

черквивающих прежде всего редкие христианские добродетели князя; некоторые из этих деталей, очень возможно, и соответствуют исторической действительности.

Ростислав и Давид всю жизнь тяготятся жизнью в миру, мечтают освободиться „от маловремененного и суетного света сего“, задолго до смерти выражают желание постричься в монахи. Ростислав, по утверждению автора повести, не раз беседовал на эту тему с игуменом Печерским Поликарпом и деятельно готовился к пострижению: во время великого поста каждое воскресенье он имел обыкновение причащаться; — „слезами омывая лице свое и въздыханием частым смиряя себе, и стонание от сердца своего испущая“, князь производил столь умиленное впечатление, что все окружающие его, видя такое его смирение и благочестие, „не можаху удержатися от слез“. По разным причинам Ростиславу не удалось осуществить своего намерения — принять иноческий образ, но то, что не удалось ему, удалось его сыну — Давиду; подобно отцу всегда сокрушаясь о грехах своих и всегда мечтая удалиться от мира в обитель, — подалее „от многомятежного и маловременного света сего“, Давид незадолго до смерти постригся в монахи, постриглась в монахини и его княгиня, следуя примеру супруга.

Умирают все герои этих повестей тоже примерно одинаково — так, как того и требовал агиографический „канон“. Давид перед смертью, уже совсем больной, приказал вести себя в монастырь Бориса и Глеба, что на Смядыни; здесь он, „воздев руце на небо“, стал молиться (молитва Давида приводится автором); почувствовав приближение смерти, он снова стал молиться (текст второй молитвы Давида тоже приводится автором); за этой молитвой его, с воздетыми к небу руками, и застигла смерть. Так же примерно умирает и Мстислав, — тоже с воздетыми к небу руками, вздыхая „из глубины сердца“ и проливая слезы. В особенности „умиленно“ умирает Ростислав Мстиславич: автор, видимо, немало поработал над этим, финальным, эпизодом своей повести. Когда Ростислав почувствовал приближение смерти, он позвал духовника и, „воздев руце свои“ и „зря к иконе святой богородици“, начал молиться; молитва Ростислава приводится автором; вся она построена на риторических обращениях одной и той же структуры, ритмично чередующихся: „Пречистая богородице! ... Помощнице обидимым, ненадеющимся надеяние, сиротам заступнице, убогим кормительнице, печальным утешение, грешным спасение, хрестьяном всим поможение, милостива еси госпоже, милостью своею помилуй мя, грешного раба своего Михаила (Михаил — христианское имя Ростислава), ризою мя честною заступи...“ Закончив молитву, князь посмотрел на икону „самого творца“ и, „слезы испущая от зеницю“, тихим голосом сказал, цитируя известный евангельский текст: „Ныне отпусти раба своего, владыко, по глаголу твоему с миром“. И видны были слезы, когда он произносил эти последние свои слова, „на скранью его“ (на щеке) — „яко женчужная зерна“. Утирая эти навернувшиеся слезы „убрусцем“, — князь скончался.